



ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

6 октября 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А.Жилина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Д.В.Динзе и О.Г.Сенцова,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин России Д.В.Динзе и гражданин Украины О.Г.Сенцов оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части второй статьи 38, которым следователь уполномочивается самостоятельно направлять ход расследования и

принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий;

части третьей статьи 53, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке, и что за разглашение этих данных защитник несет уголовную ответственность в соответствии со статьей 310 УК Российской Федерации;

статьи 161, согласно которой данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей той же статьи (часть первая); следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 УК Российской Федерации (часть вторая); данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается (часть третья).

Как следует из представленных материалов, 11 мая 2014 года О.Г.Сенцов был задержан Федеральной службой безопасности Российской Федерации по подозрению в терроризме. Его адвокат Д.В.Динзе, давший подписку о неразглашении данных предварительного расследования, обратился к следователю с ходатайствами о разрешении передать материалы дела специалистам для проведения необходимых исследований и юристам –

для составления жалобы в Европейский Суд по правам человека, в чем ему было отказано.

Лефортовский районный суд города Москвы в удовлетворении жалоб Д.В.Динзе на действия следователя, выразившиеся в отобрании у него подписки о неразглашении данных предварительного расследования, и на отказ следователя разрешить ознакомление с материалами уголовного дела юристам и специалистам, не являвшимся участниками уголовного судопроизводства по данному уголовному делу, отказал (постановления от 18 августа 2014 года и от 25 августа 2014 года, оставленные без изменения апелляционными постановлениями Московского городского суда), сославшись, в частности, на то, что адвокатом не был определен круг лиц, которым он намеревался передать материалы уголовного дела.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Д.В.Динзе и О.Г.Сенцов утверждают, что положения пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 УПК Российской Федерации, применяемые во взаимосвязи в отношении адвокатов, осуществляющих защиту находящихся под стражей обвиняемых, приводят к нарушению таких правовых начал, как равенство всех перед законом и судом, справедливое судебное разбирательство, включая состязательность сторон, презумпция невиновности и право обвиняемого на защиту, и тем самым не соответствуют статьям 19 (часть 1), 29 (части 1 и 4), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 48, 49 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18 и 118 (часть 1), в Российской Федерации как правовом демократическом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием.

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, право на получение квалифицированной

юридической помощи (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 48, часть 1), равенство всех перед законом и судом и осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 19, часть 1; статья 123, часть 3), устанавливая права обвиняемых, осужденных, лиц, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (статья 49; статья 50, часть 2; статьи 52, 53 и 54), равно как и обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24, часть 2), Конституция Российской Федерации вместе с тем провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 17, часть 3; статья 21, часть 1).

Соответственно, Конституция Российской Федерации относит к числу не подлежащих ограничению право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1; статья 56, часть 3) и одновременно вводит запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), допускает возможность ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения (статья 23, часть 2) и использование лишь законных способов поиска, получения, передачи, производства и распространения информации (статья 29, часть 4).

Тем самым, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Конституция Российской Федерации не предполагает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы, как и обязанность органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять гражданину соответствующие сведения могут быть полностью исключены – напротив,

при всех условиях должны соблюдаться установленные пределы ограничения данного права, обусловленные содержанием информации (Постановление от 18 февраля 2000 года № 3-П; определения от 6 июля 2000 года № 191-О, от 19 февраля 2003 года № 78-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 7 ноября 2008 года № 1029-О-П, от 29 сентября 2011 года № 1251-О-О и др.).

Это означает, что право на свободу информации может быть ограничено федеральным законом на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации) и в соответствии с критериями, которые предопределяются требованиями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, т.е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а реализация данного права возможна только в порядке, установленном законом.

3. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, части 1 и 2), не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами, к числу которых относится и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2003 года № 123-О, от 16 ноября 2006 года № 493-О, от 13 октября 2009 года № 1055-О-О, от 17 ноября 2009 года № 1427-О-О, от 23 марта 2010 года № 365-О-О и № 388-О-О и др.). Наделяя при этом гражданина правом защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), Конституция Российской Федерации не предполагает также, что право на судебную защиту может быть реализовано незаконными средствами: как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 4 апреля 2013 года № 661-О, участники уголовного

судопроизводства вправе осуществлять свои права таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц и не прибегать к не установленным или запрещенным законом способам защиты.

Соответственно, судебная защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве должна осуществляться в процедуре, которая обеспечивает охрану достоинства личности, гарантирует его участникам возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, и при этом исключает несанкционированное распространение сведений, способное привести к нарушению этих прав и свобод, причинить ущерб правам и законным интересам личности, общества или государства. Иное не отвечало бы принципам справедливого правосудия, приводило бы к ограничению фундаментального права на судебную защиту, умалению чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, к нарушению равноправия сторон уголовного судопроизводства, баланса прав и законных интересов его участников.

3.1. Определяя на основании статей 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства, обязательный для всех его участников (часть вторая статьи 1), федеральный законодатель закрепил в части четвертой его статьи 47 право обвиняемого получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (пункт 2), участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания (пункт 10); знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта (пункт 11), знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами

уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме (пункт 12).

Знакомиться с протоколом задержания подозреваемого, обвиняемого, постановлением о применении к ним меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с их участием, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, а по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, вправе и допущенный к участию в уголовном деле защитник (пункты 6 и 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации). При этом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, включая его статью 161, не содержит ни положений, препятствующих защитнику в реализации прав, предоставленных ему на стадии предварительного расследования, ни положений, ограничивающих права, предоставленные ему по окончании этой стадии, прежде всего – право знакомиться со всеми материалами уголовного дела.

Вместе с тем в статье 161 УПК Российской Федерации исходя из назначения уголовного судопроизводства, а также в целях защиты публичного интереса и охраны прав личности (часть первая статьи 6, статьи 9 и 11 УПК Российской Федерации) содержится запрет на разглашение данных предварительного расследования и в качестве исключения из этого императивного предписания установлено, что такие данные могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, причем данные о частной жизни участников уголовного судопроизводства – только с их согласия, а данные о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати

лет, – с согласия его законного представителя; при этом следователь или дознаватель предупреждают участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 УК Российской Федерации.

Закрепление в законе указанных требований, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, обусловлено тем, что при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции Российской Федерации), предполагают сохранение в тайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Исходя из этого Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает ознакомление участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования с процессуальными документами (материалами дела) в той части, в какой

производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы, и предоставляет лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, право знакомиться с процессуальными документами лишь в части реализации ими права на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, т.е. в той части, в которой эти действия и решения затрагивают их интересы.

Соответственно, участники уголовного судопроизводства, а также иные лица – в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, имеют право на обжалование действий (бездействия) и решений органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке (часть первая статьи 123), который предусматривает возможность рассмотрения соответствующих жалоб как прокурором, руководителем следственного органа, так и судом (статьи 124–125), не обуславливая предоставление им в случае необходимости данных предварительного расследования согласием либо несогласием следователя на их разглашение.

С учетом этого и принимая во внимание, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает ознакомление с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства и иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы, запрет на разглашение данных предварительного расследования означает, по смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации права на обжалование решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, в той мере, в которой эти действия и решения затрагивают

интересы указанных лиц, с тем чтобы реализация конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь не приводила к нарушению прав и свобод иных лиц, а значит, и к отступлению от предписаний статей 17 (часть 3), 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

3.2. Таким образом, установленное статьей 161 УПК Российской Федерации правовое регулирование, как обусловленное публичными интересами предварительного расследования и необходимостью предотвращения (предупреждения) нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, не расходится с предписаниями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и не может рассматриваться как препятствующее защитнику по уголовному делу в ознакомлении с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. Не содержит статья 161 УПК Российской Федерации и положений, ограничивающих предоставленные защитнику в порядке конкретизации статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации права знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, выписывать из них сведения в любом объеме или снимать за свой счет с них копии, в том числе с помощью технических средств, а потому, вопреки утверждению заявителей, не создает юридических предпосылок к отказу в праве на судебную защиту лицам (обвиняемым), чьи права нарушены незаконными действиями и решениями органов предварительного расследования.

При этом несанкционированное разглашение данных предварительного расследования, хотя и предпринятое лицом в качестве инструмента своей защиты или в связи с исполнением обязанностей защитника, как не исключающее возможность ознакомления с данными предварительного расследования широкого круга лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, ставит под угрозу нарушения права и

законные интересы участников уголовного судопроизводства и, следовательно, в силу вытекающей из закона необходимости сохранения таких данных в тайне не может рассматриваться как законное средство защиты прав подозреваемого, обвиняемого, – иное противоречило бы статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, посягало бы не только на интересы правосудия, но и на охраняемые законом права личности, умаляя ее достоинство.

4. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, для реализации права знакомиться с протоколами следственных действий и подавать на них замечания, для обеспечения возможности судебного обжалования постановлений следователя, которыми нарушаются права личности, заинтересованному лицу – в силу прямого действия статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации – должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации; что касается формы и порядка ознакомления такого лица с необходимыми материалами, то они избираются следователем, прокурором и судом в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны (определения от 14 января 2003 года № 43-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 8 июля 2004 года № 239-О, от 4 ноября 2004 года № 430-О, от 20 июня 2006 года № 231-О, от 21 декабря 2006 года № 590-О, от 20 февраля 2007 года № 146-О-О, от 23 июня 2009 года № 887-О-О и от 23 сентября 2010 года № 1128-О-О).

Как следует из статьи 161 УПК Российской Федерации в системном единстве с базовыми положениями его статей 42, 44 и 53–60, обязанность не разглашать данные предварительного расследования возлагается на таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, гражданский истец, защитник, гражданский ответчик, его представитель, свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятые. Применительно к защитнику, который, как и другие участники производства по уголовному делу, предупреждается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и у которого берется подписка об их неразглашении, соответствующие требования закреплены в части третьей статьи 53 УПК

Российской Федерации, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, предусмотренном статьей 161 данного Кодекса; за разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность по статье 310 УК Российской Федерации. Что касается подозреваемого и обвиняемого, то их статус, определенный статьями 46 и 47 УПК Российской Федерации, не предполагает возложения на них обязанности давать подписку о неразглашении данных, ставших им известными в связи с участием в предварительном расследовании, и привлечения их к уголовной ответственности за их разглашение (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О). Вместе с тем закон допускает применение к ним в случае необходимости уголовно-процессуальных мер принудительного характера, в частности мер пресечения, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый, в том числе путем разглашения данных предварительного расследования, может препятствовать производству по уголовному делу (пункт 3 части первой статьи 97 УПК Российской Федерации).

Положения статьи 161 УПК Российской Федерации не ограничивают, вопреки утверждению заявителей, и возможность привлечения к участию в уголовном деле по инициативе стороны защиты в порядке, установленном данным Кодексом, специалистов и экспертов, а лишь предполагают полномочие дознавателя или следователя предупредить их о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года № 559-О-О и от 24 февраля 2011 года № 264-О-О).

По смыслу статей 58 и 168 УПК Российской Федерации, определяющих порядок вызова специалиста для участия в процессуальных действиях, во взаимосвязи с частью второй статьи 159 и частью седьмой

статьи 234 данного Кодекса, регламентирующими основания удовлетворения ходатайств сторон о собирании дополнительных доказательств, обвиняемому и его защитнику может быть отказано в удовлетворении ходатайства о получении доказательств, в том числе о допросе специалиста, или в приобщении к материалам уголовного дела его заключения лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу или является недопустимым либо когда обстоятельства, которые призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства с позиций принципа разумности оказывается избыточным; вместе с тем, как следует из части четвертой статьи 271 УПК Российской Федерации, суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О и от 16 октября 2007 года № 700-О-О).

Таким образом, статья 161 УПК Российской Федерации, рассматриваемая в системе норм данного Кодекса, не содержит ограничений, не обусловленных назначением уголовного судопроизводства и несоразмерных конституционно признанным целям, и не препятствует подозреваемому, обвиняемому защищать свои права, а адвокату – выполнять свои обязанности по оказанию им юридической помощи.

5. Данные предварительного расследования, как следует из взаимосвязанных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (часть первая статьи 6, пункт 3 части второй статьи 38, пункт 3 части пятой статьи 42, часть шестая статьи 44, часть третья статьи 53, пункт 2 части третьей статьи 54, пункт 3 части шестой статьи 56, пункт 5 части четвертой статьи 57, часть четвертая статьи 58, пункт 2 части четвертой статьи 59, часть четвертая статьи 60, статья 161), составляют охраняемую уголовно-процессуальным и уголовным законами информацию (сведения), содержащуюся в материалах уголовного дела, разглашение

(распространение) которой создает реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию по уголовному делу, нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, не являющихся его участниками.

Отнесение данных предварительного расследования к информации, составляющей профессиональную тайну (тайну следствия), предполагает, как следует из Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязательность соблюдения ее обладателем (лицом, самостоятельно создавшим информацию либо получившим на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам) конфиденциальности соответствующей информации, а также установление мер по ее защите, предотвращению несанкционированного доступа к ней и (или) передачи информации лицам, не имеющим права на ознакомление с ней, предупреждению возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации (пункт 5 статьи 2, статья 5, часть 4 статьи 6, части 4 и 5 статьи 9, часть 4 статьи 16).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации следователь, как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной данным Кодексом, самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (пункт 3 части второй статьи 38), обязан обеспечивать при расследовании преступления охрану прав и свобод человека и гражданина, возможность осуществления участниками уголовного судопроизводства их прав, осуществлять действия и принимать решения, исключаящие (предотвращающие) сами предпосылки для унижения чести и достоинства участников уголовного судопроизводства, опасность для их жизни и здоровья, и т.д. (часть первая статьи 6, статья 9,

части первая и третья статьи 11). При этом возложение на следователя как обладателя информации, полученной в ходе предварительного расследования, обязанности сохранения профессиональной тайны не исключает необходимости использования им всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, в том числе подозреваемого, обвиняемого, и не препятствует сторонам обвинения и защиты в реализации своих прав на основе принципа равенства, поскольку бремя доказывания виновности обвиняемого возложено на следователя (статьи 14 и 21 УПК Российской Федерации), вследствие чего сторона защиты не обязана доказывать невиновность обвиняемого и вправе не раскрывать следователю содержание своей правовой позиции и самостоятельно полученных ею (имеющихся в распоряжении) сведений.

По смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, устанавливающей запрет на разглашение данных предварительного расследования, следователь не относит те или иные данные к следственной тайне, – как лицо, обладающее особым процессуальным статусом и в силу своей процессуальной функции обязанное не только осуществлять уголовное преследование, но и гарантировать весь комплекс предусмотренных законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, он уполномочен разрешать вопрос о том, могут ли данные предварительного расследования быть преданы гласности и в каком объеме, с тем чтобы их разглашение не противоречило интересам предварительного расследования и не нарушало права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, что согласуется с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отвечает требованиям статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, наделение следователя как обладателя информации, полученной им при исполнении профессиональных обязанностей по расследованию преступления, на которого возлагается и обязанность

сохранения тайны следствия, правом давать согласие на предание гласности данных предварительного расследования преследует публичный интерес и одновременно направлено на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в рамках выполнения государством своей конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 118, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации).

6. Таким образом, в вопросе о конституционности положений пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 УПК Российской Федерации отсутствует неопределенность, наличие которой препятствовало бы их единообразному пониманию в правоприменительной практике, а сами эти положения, предполагающие соблюдение конституционных гарантий личности в этой области публично-правовых отношений, не могут, вопреки доводам заявителей, рассматриваться как нарушающие их конституционные права в указанном аспекте.

Проверка же правильности их применения судом с учетом обстоятельств конкретного дела с участием заявителей к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения

поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2443-О

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В.Арановского

Поскольку в поименованном Определении Конституционный Суд Российской Федерации общим образом отозвался по отдельным вопросам, связанным с предметом обжалования, полагаю существенным не упустить из виду нижеследующее.

1. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что не любое, а именно «необоснованное предание огласке данных (сведений) предварительного расследования» может привести к нарушению прав и законных интересов граждан, включая участников уголовного процесса, и осложнить само производство по уголовному делу, создать условия к утрате и уничтожению подозреваемым или обвиняемым доказательств, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по делу. Из этого следует, что разглашение названных сведений защитой бывает

безосновательным и противоправным либо имеет под собой правомерные основания, достаточные, чтобы такие сведения можно было предать огласке.

В самом деле, если бы тайна следствия была сплошной, безусловной и не знала никаких правомерных изъятий, то не только защитники, но и само следствие оставались бы под общим запретом сообщать кому бы то ни было, в том числе публично, любые сведения по уголовному делу на его досудебной стадии. Между тем время от времени сама сторона обвинения (следствие) оглашает данные предварительного расследования, в том числе в средствах массовой информации, и может разрешить их распространение другим субъектам. Надо думать, что причина тому – не привилегии стороны обвинения, которые нарушали состязательность, а именно то, что не всякая огласка вредит тайне следствия, что сама эта тайна не безусловна и не любое разглашение нарушает соответствующий запрет.

В данные предварительного расследования входят, например, сведения о самом подозреваемом, обвиняемом, как и о том, в чем его обвиняют. Сторону защиты вряд ли можно обязать во всех случаях держать при себе эти и подобные им сведения без действительных на то оснований. Такой запрет обязывал бы адвоката, кроме прочего, скрывать ото всех даже то, что у него есть подзащитный, как и факт его уголовного преследования. Тайну следствия едва ли можно безусловно распространить во всей строгости на все, что связано с уголовным делом. Есть сведения, которые не касаются, например, персональных данных о жертве и о других лицах, установленных или разыскиваемых соучастников, планов следственных и оперативно-розыскных мероприятий или же доказательств, которые по соображениям следственной тактики нужно держать в секрете. Из ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, взятых во взаимосвязанной между собой в совокупности, следует, что тайной следствия могут быть лишь те сведения по уголовному делу, разглашение которых действительно вредит или реально может вредить расследованию, влечет или объективно может повлечь нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц (часть первая статьи

6, пункт 3 части второй статьи 38, пункт 3 части пятой статьи 42, часть шестая статьи 44, часть третья статьи 53, пункт 2 части третьей статьи 54, пункт 3 части шестой статьи 56, пункт 5 части четвертой статьи 57, часть четвертая статьи 58, пункт 2 части четвертой статьи 59, часть четвертая статьи 60, статья 161).

Конституционный Суд Российской Федерации, согласно Определению от 6 октября 2015 года № 2444-О по жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации, полагает, что в доказывании по делу о преступлении, предусмотренном статьей 310 «Разглашение данных предварительного расследования» УК Российской Федерации, должны быть установлены существо разглашенных данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда, с тем чтобы оценить исходя из конкретных условий времени, места и обстановки совершения деяния характер и степень его общественной опасности. Это значит, что разглашение данных предварительного расследования не относится к сугубо формальным составам преступлений, обусловленным одним лишь нарушением запрета. Поэтому и уголовная ответственность защитника не может наступить безотносительно к тому, доказано или нет причинение действительного вреда интересам предварительного расследования, правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства. Это значит также, что привлечь к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования нельзя, пока не будет установлено, был ли причинен какой-либо вред, в чем он состоит и кому или чему он был причинен.

2. Запрет разглашения и сама тайна следствия не могут оставаться в силе, когда сведения уже стали публичными, в том числе когда их публично

изложило само следствие. Так бывает, когда органы следствия (его пресс-служба), «жертвуя» тайной, распространяют публичные, в том числе эффектные, сообщения, например, о происшествиях, о возбуждении уголовного дела, о его участниках, о существе обвинения, об арестах и даже о доказательствах, особенно об изъятых ценностях, тем самым заблаговременно обличая злодеяния и злодеев. Запретить стороне защиты в том же публичном порядке упоминать эти сведения, комментировать их, опровергать, уточнять, оценивать, дополнять со своей стороны и возражать оценочным суждениям обвинения было бы сомнительно, имея в виду и состязательность, и право широкого круга субъектов на поиск и получение публично значимой информации, не говоря уже о праве на ее распространение. Если сторона обвинения (следствие) ищет публичности, чтобы, например, получить общественную поддержку или просто информировать общественность, то и защите нельзя в такой возможности отказать. Ей нельзя запретить распоряжаться при этом полученными сведениями и в иных законных целях.

Кроме того, не могут оставаться следственной тайной и такие сведения, в том числе протокольно-документальные, которые были представлены на исследование суду в открытом разбирательстве, в том числе об избрании меры пресечения или об обжаловании действий (бездействия), решений дознания, следствия и прокурора по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации. В силу процессуального закона эти сведения и материалы становятся открытыми, а потому их передача и обсуждение не могут быть ограничены собственной следственной тайной.

Сведения, полученные помимо уголовного дела, в том числе в журналистском или в адвокатском расследовании, также не могут быть тайной следствия в собственном смысле и в той мере, в какой информация имеет иное происхождение (другой источник) и на нее распространяется не уголовно-процессуальный запрет, а иные правила, возможно, с иными ограничениями. Эта информация может иметь хождение наряду со сведениями, которые содержит уголовное дело, и даже с ними совпадать,

вследствие чего ее передача, например, специалистам может создавать видимость разглашения, которую защита вправе опровергать со ссылкой на иной, нежели уголовное дело, источник сведений.

После того как следствие раскроет защите какую-то часть документов и сведений по делу, обе стороны владеют в этой части тайной следствия уже не врозь, а сообща. Каждая, выполняя под защитой процессуального закона свои задачи и функции, вправе полагаться на то, что им не будет препятствий в их отправлении без правомерных оснований, в том числе в привлечении специалистов и выполнении технических, вспомогательных, экспертных работ, связанных с получением и оценкой материалов и доказательств.